

В верхнем правом углу виртуальной доски замигала желтая иконка входящего сообщения.

Харуюки, думавший во время урока о своем, невольно втянул голову в плечи и сфокусировал взгляд.

Тут же темно-зеленая доска, заполняющая все поле зрения, стала полупрозрачной, а спины сидящих за партами учеников и учитель впереди, наоборот, обрели четкость.

Кабинет, одноклассники и учитель существовали в реальном мире, в отличие от прозрачной доски, густо исчерканной математическими формулами. Цифры и формулы учитель выписывал прямо в воздухе; они отправлялись в нейролинкер на шее у Харуюки, а потом прямо в мозг, где и преобразовывались в изображение.

Пожилой учитель математики хитрым образом двигал пальцами, в которых ничего не было, по доске, которая существовала лишь для него одного, и тихим голосом объяснял формулу. Слишком тихим, чтобы его мог слышать Харуюки в реальном мире; но нейролинкер на шее учителя увеличивал громкость и четкость и уже в таком виде отсылал голос в нейролинкеры учеников.

Харуюки вновь сфокусировал зрение перед собой, и доска, на которой было еще больше цифири, чем раньше, опять стала непрозрачной. Значит, входящее сообщение вряд ли было заархивированным файлом с домашкой, посланным учителем. Это значит — поскольку Харуюки сейчас был отключен от Глобальной сети, — отправителем был кто-то из учеников той же школы.

Какая-нибудь девушка, нарушившая школьные правила и написавшая ему что-то приятное... за полгода, прошедшие со дня его поступления в среднюю школу, такого рода ожидания успели испариться. Харуюки серьезно подумывал просто отправить мэйл в корзину, расположенную в левом углу поля зрения; однако, если он так сделает, кто знает, чем это для него обернется.

Не очень-то желая открывать мэйл, все же он дождался, пока учитель отвернется, поднял правую руку (настоящим, не виртуальным движением) и прикоснулся пальцем к иконке сообщения.

Тут же — «Бу-би-ба-бо-ро-бу-би-ро!» — по ушам Харуюки ударил неразборчивый звук, а по глазам — поток яркой графики. В теле письма вместо текста оказалось звуковое сообщение.

«Свинтус-кун, сегодня приказываю тебе команду! (На заднем плане: «Гя-ха-ха!») Две булки с якисобой[□]Якисоба — жареная пшеничная лапша. Здесь и далее — прим. Ushwood., одну с дынным повидлом, три клубничных йогурта, всё отнести на крышу в течение пяти минут после начала большой перемены! Опоздаешь — мы из тебя котлету сделаем! Будешь болтать — сделаем жареную отбивную! (Снова ржач на заднем плане.)»

...Ощувив на левой щеке липкий взгляд, Харуюки собрал волю в кулак, чтобы не обернуться.

Он знал, что, если обернется, Арая и его прихвостни А и Б будут измываться над ним еще больше.

Составить такое сообщение со всеми звуковыми и визуальными эффектами во время урока, разумеется, невозможно, так что они наверняка сделали это заранее. Что за ленивый сброд... а «приказываю команду» — вообще тавтология, идиоты!!!

Харуюки принялся издеваться над ними — мысленно, конечно; произнести это вслух или отправить ответным мэйлом он не мог. Если Арая — идиот, который, как таракан, не вымрет, как бы далеко ни зашла эволюция, то Харуюки, жертва его постоянных издевательств — тем более дурак.

Вообще-то, если бы у Харуюки было чуть-чуть смелости и силы воли, он мог бы воспользоваться этим мэйлом и множеством других «улик», которые у него накопились, — собрать их и передать руководству школы; тогда тех гадов наверняка бы наказали.

Однако Харуюки не мог выкинуть из головы мысли о том, что будет дальше.

Нейролинкеры сейчас распространены повсеместно — их в стране уже по штуке на человека; говорят, что в виртуале проходит половина жизни. Однако при всем при том человек по-прежнему обременен «физическим телом» и продолжает существовать на низменном уровне. Трижды в день он чувствует голод; ему приходится ходить в туалет; и — когда человека бьют, ему больно, а плакать от боли — ужаснее, чем смерть.

«Умение обращаться с линкером определяет успехи в школе и вообще карьерный рост»... подобные разговоры — всего лишь лозунги крупных сетевых компаний. В конечном итоге ценность человека определяется такими примитивными показателями, как внешние данные и физическая сила.

К такому выводу Харуюки пришел еще будучи пятиклассником начальной школы, ребенком, весящим за 60 килограммов и неспособным пробежать полсотни метров быстрее десяти секунд; сейчас ему было уже 13, и этот вывод ничуть не изменился.

Каждое утро перед школой мать заряжала в нейролинкер Харуюки 500 иен на обед, но все эти деньги уходили на булочки и напитки для компании Арай. У Харуюки были сбережения, около 7000 иен, но если он их потратит, то не сможет купить игру для нейролинкера, которая выйдет в следующем месяце.

Полный организм Харуюки отличался необычайно высоким расходом топлива; стоило ему всего один раз пропустить завтрак, обед или ужин, как у него начинала кружиться голова. Однако сегодня придется терпеть. Зато на большой перемене он сможет наконец уйти в Полное погружение.

Стараясь казаться как можно меньше, Харуюки направился ко второму учебному корпусу, где располагались кабинеты со специальным оснащением. Поскольку в наши дни занятия вроде

физических опытов и уроков готовки проводятся виртуально, все эти кабинеты никому не нужны, так что сюда мало кто ходит. Тем более на большой перемене — сейчас тут не было ни души.

Из пыльного коридора можно было попасть в мужской туалет — персональное убежище Харуюки. Вбежав туда, он остановился, чтобы перевести дух, и глянул в зеркало над раковиной.

В затуманенном зеркале отразился типичный персонаж телевизионной драмы — «толстый ребенок, изгой класса».

Торчащие во все стороны непослушные волосы; округлое лицо без острых углов. Галстук школьной формы и серебряный нейролинкер впиваются в жирную шею, точно пытаются задушить своего владельца.

Пытаясь сделать что-то со своей внешностью, Харуюки как-то перешел на диету с почти полным отсутствием пищи и одновременно начал бегать как сумасшедший. В результате как-то раз во время большой перемены он упал в обморок от анемии, что породило ужасную легенду, включающую в себя бэнто[[]]Бэнто — в Японии однопорционная упакованная еда; традиционно включает в себя рис, рыбу/мясо и овощи в общей коробочке с крышкой. Типичный обед «на вынос» школьников, студентов и офисных работников. нескольких одноклассниц.

После того случая Харуюки решил махнуть рукой на реального себя — по крайней мере до конца школы.

Он отвел взгляд от зеркала через 0.1 секунды, потом направился вглубь туалета и зашел в кабинку. Заперев дверь, опустил сиденье унитаза и сел. К скрипу пластика под собой он уже привык. Прислонившись спиной к сливному бачку, Харуюки расслабился и закрыл глаза.

Потом он продекламировал, словно заклинание, высвобождающее душу из оков тела:

— Директ линк[[]]Direct Link — англ. «прямое соединение». Все голосовые команды отдаются на английском..

Как только нейролинкер получил голосовую команду, уровень квантового соединения повысился от «аудиовизуального» до «всех 5 чувств». Ощущение веса тела, бурчание голодного желудка — все это пропало.

Исчез и твердый пластик сиденья унитаза, и давящая школьная форма. Веселые крики школьников во дворе, запах чистящего средства, дверь прямо перед Харуюки — все растворилось в черноте. «Полное погружение».

Даже сила тяжести исчезла; Харуюки провалился в черную бездну.

Однако вскоре его всего окутало мягкое ощущение полета и радужный свет. Начиная с кончиков ступней и ладоней, стал формироваться аватар, используемый Харуюки при Полном погружении.

Черные ступни и ладони, похожие на копытца. Пухлые руки-ноги, округлое тело ярко-розового цвета. Сам он этого не видел, но посреди лица был плоский пяточок, а на голове обвислые уши. Иными словами — розовый поросенок.

Комичный аватар шмякнулся на землю посреди полянки в сказочном лесу (дизайн которого, впрочем, был одобрен исследователями в области образования).

Повсюду росли гигантские грибы, ослепительный солнечный свет лился на поросшую травой круглую поляну, в центре которой бил кристально-чистый родник.

Со всех сторон поляну окаймляли гигантские пустотелые деревья. Внутри каждое дерево было поделено на несколько этажей, соединенных лестницами; на каждом этаже можно было во что-то играть или просто общаться.

Так выглядело виртуальное пространство локальной сети средней школы Умесато (район Сугинами-ку), в которую ходил Харуюки.

В лесу гуляли группками по двое-трое, беседовали и смеялись аватары, в основном нечеловеческие. Где-то половина — комичные звери на задних лапах, остальные — крылатые (хотя и нелетающие) феи, металлические роботы и волшебники в мантиях. Все эти аватары принадлежали ученикам и преподавателям средней школы Умесато, ныряющим в локальной сети.

Аватар школьника разрешено брать из любых источников, вдобавок его можно как угодно модифицировать. Если хватит настойчивости, можно даже воспользоваться имеющимся редактором и создать оригинальный аватар с нуля. Конечно, это всего лишь мастерство и чувство вкуса ученика средней школы, но тем не менее самодельный черный рыцарь Харуюки, дебютировавший в апреле[]В апреле в Японии начинается учебный год., привлек к себе массу внимания.

...То было лишь краткое мгновение славы. Харуюки вздохнул и посмотрел на свой нынешний аватар. Он и глазом не успел моргнуть, как Арая захапал черного рыцаря себе и заставил Харуюки использовать имеющегося в списке готовых аватаров поросенка.

Естественно, розовый поросенок ничуть не уступал черному рыцарю в том смысле, что он тоже был уникален, — потому что никто не хотел брать себе такое неприкольное тельце. Как и в реале, Харуюки сжался, стараясь казаться как можно меньше, и трусцой побежал к дереву.

Вдруг он заметил приличную толпу, собравшуюся возле родника. На бегу он всмотрелся, и его ноги сами собой замедлились. В середине кучки учеников он увидел аватар из тех, какие не

каждый день встречаешь.

Этот был уж точно не из списка готовых аватаров. Угольно-черное платье, украшенное прозрачными драгоценными камнями. Черный зонт в руках. За спиной черные крылья бабочки-парусника с радужными разводами.

Белоснежное лицо, отчасти заслоненное длинными прямыми волосами. Все вместе обладало такой совершенной красотой — не верилось, что это рукотворное. Харуюки вряд ли мог бы посоперничать в искусстве дизайна с автором этого аватара — тут был уровень профессионала.

Небрежно прислонившись стройным телом к ножке гигантского гриба, девушка с апатичным видом слушала треп окружающих аватаров. Харуюки знал ее — она училась во втором классе и была вице-председателем студсовета. Самым удивительным было то, что этот прекраснейший аватар практически идеально копировал реальную девушку; именно поэтому все звали ее —

«Snow Black». «Черноснежка»[□]С японского прозвище «Куроюкихимэ» дословно переводится как «Принцесса Черноснежка». Однако тут явный намек на Сироюкихимэ — так по-японски звучит имя «Белоснежка», безо всяких «принцесс»..

Такое создание — и он, Харуюки. Единственное, что между ними было общего, — они оба учились в средней школе Умесато; и то ему казалось, что это неправда. При виде ее виртуального облика Харуюки ощутил, как собственная ничтожность терзает его все сильнее, так что он с усилием повернул голову и стал смотреть перед собой.

Местом назначения, куда он сейчас бежал со всех ног, было дерево с многочисленными комнатами для досуга, проще говоря — игровой центр. Ну, конечно, продающихся на рынке игр — ролевушек, там, или экшенов — здесь не найти. Дерево было напичкано играми-головоломками, викторинами и прочими учебалками, а также здоровыми спортивными играми; тем не менее там тусовалось множество учеников — их веселые возгласы доносились отовсюду.

Нырют они, как правило, из-за собственных парт в классе или из школьной столовки. Их реальные тела все это время совершенно беззащитны. Над человеком, который находится в Полном погружении, обычно не подшучивают — это считается дурными манерами; единственным, к кому это не относилось, был Харуюки. Однажды, когда он нырнул в локальную сеть из кабинета, по возвращении он обнаружил, что с него стянули брюки. С его поступления в школу еще и месяца не прошло.

Спрятав реальное тело в туалете, скрывшись с глаз людских в виртуальном пространстве, он стал подниматься по ступеням в стволе дерева. Чем выше располагались комнаты, тем менее популярные игры там находились.

Харуюки пробежал мимо бейсбола, баскетбола, гольфа, тенниса, проигнорировал пинг-понговый этаж и добрался наконец до уголка виртуального сквоша.

Здесь не было ни души. Причина непопулярности сквоша была очевидна. Он похож на теннис, но здесь приходится отбивать мяч ракеткой в прямоугольной комнате с твердыми стенками — молча бить и бить по отскакивающему от стенок мячику. Очень скучный спорт.

Вообще-то любимыми играми Харуюки были FPS[□]FPS — First Person Shooter, стрелялка от первого лица., где он носился по полю боя с пулеметом; в этом жанре его мастерство было выше среднего даже по меркам американцев. Конечно, этот жанр популярен и в Японии, но в школьной сети такого рода игр быть просто не могло. И еще: в начальной школе он как-то раз играл с одноклассниками и с одним пистолетиком перестрелял почти всех — а на следующий день над ним так поизмывались, что до сих пор ему было больно при воспоминании об этом. Тогда Харуюки поклялся никогда в жизни не играть в игры — неважно, какого жанра, — с одноклассниками.

Харуюки подошел к правой стенке пустой площадки и прикоснулся рукой к панели управления. Ввел свой идентификационный номер, и перед ним высветился его сохраненный уровень и рекордное число очков.

Во время первого семестра Харуюки большую часть обеденного времени убивал здесь, в игре. В результате его личный рекорд достиг потрясающей величины. Игра уже начала ему наскучивать, но больше податься было некуда. Розовая правая рука с черным копытцем крепко ухватила ракетку, выплывшую из панели.

«Старт» — и в воздухе из ниоткуда появился мяч. Харуюки ударил по нему ракеткой, вложив в удар всю силу, всю свою сегодняшнюю депрессию.

Ярко вспыхнув, мяч полетел, как лазерный луч, ударился о пол, о переднюю стену и вернулся. Реакция Харуюки была быстрее зрения; мозг автоматически выдал оптимальное решение, тело сделало шаг влево и ударило бэкхендом.

Реальный Харуюки, конечно, так двигаться не мог. Но здесь был электронный мир, здесь Харуюки был свободен от грубых ограничений плоти. Восприятие мяча, движение тела — все это лишь обмен квантовыми сигналами между мозгом и нейролинкером.

Постепенно мяч перестал быть материальным объектом, растворился в светящихся траекториях. «Пон-пон» раздавалось уже по многу раз за секунду, как автоматная очередь. И все же поросячий аватар Харуюки с легкостью прыгал туда-сюда, и его ракетка была повсюду.

Черт — нафига мне вообще реальность?

Его сознание боролось с игрой на пределе своих возможностей, и, по идее, ему должно было быть не до этого; однако разум все равно возмущенно кричал.

Кому вообще нужно это дерьмо — реальная школа, реальные классы? Человек может просто жить в виртуале, и среди взрослых полно людей, которые так и делают. Раньше были эксперименты, когда сознание людей целиком переносилось в цифровой код, и они строили

настоящие иные миры.

Однако, чтобы учить детей жить в обществе, воспитывать в них чувства, и по разным другим идиотским причинам их бросают в клетку реальности вместе. Для людей вроде Араи это, может, и нормально — так они могут сбрасывать стресс и заодно экономить карманные деньги. А для меня... кроме вот этого, что я могу?

Раздалось «пипон!», и уровень игры в уголке поля зрения Харуюки подрос на единичку.

Скорость мяча стала еще выше. Он стал отражаться под неправильными углами, его атаки шли по непредсказуемым траекториям.

Реакция Харуюки постепенно стала запаздывать.

Быстрее — еще быстрее!

Виртуальный мир, реальный мир, прорваться через все стены, отправиться туда, где никого...

Быстрее!

Ракетка рассекла воздух. Мяч, превратившийся в свет, скользнул по щеке Харуюки, пролетел мимо и исчез. С грустным и одновременно комичным звуковым эффектом слова «Конец игры» упали с потолка и отскочили от пола площадки.

Не глядя на табличку с рекордами, Харуюки вяло направился к панели управления, чтобы начать игру заново.

Вдруг его убежище сотряс возглас:

— Ага! Вот ты где прячешься!!!

Пронзительный выкрик парализовал его уши — да нет, весь мозг. Вздвогнув, Харуюки напряженно обернулся. Перед ним стоял школьный аватар, тоже в виде зверя.

Впрочем, в отличие от поросенка Харуюки, в нем не было ни капли комичности. Стройная и грациозная кошка с фиолетово-серебряным мехом. На ушах и кончике хвоста темно-синие банты. Этот аватар не был создан из полигонов с нуля, но над готовой моделью изрядно поработали.

В золотых глазах плавали гневные огоньки. Кошачья пасть с множеством мелких зубиков открылась и вновь прокричала:

— Хару в последние дни вечно исчезает во время больших перемен, так что я пошла тебя искать! Игры — это хорошо, но зачем играть в эту ерундень, пошли вниз, играть со всеми!

— ...Не твое дело, оставь меня в покое.

Сказав в ответ единственное, что он мог, Харуюки вновь повернулся лицом к площадке. Однако серебряная кошка, вытянув шею, глянула на дисплей с надписью «Конец игры» и взвизгнула:

— Ой, что это... Уровень 152, счет 2630000?! Ты...

...«Просто супер!»

Стыдно признать, но Харуюки какое-то мгновение надеялся на подобные слова, но кошка бесцеремонно предала его ожидания.

— ...Идиот, что ли?! Чего ты тут делаешь, даже не пообедал ведь! А ну быстро вышел отсюда!!!

— ...Ну уж нет, до конца перемены еще полчаса. Это ты иди куда-нибудь.

— Понятненько. Если ты так, придется применить силу.

— Сколько угодно.

Пробормотав эти слова, Харуюки снова сжал в руках ракетку. Аватары в школьной сети не обладают функцией «детектирования ударов». Во избежание противоправных действий аватары учеников вообще не могут друг к другу прикасаться. Заставить другого разлогиниться — даже не обсуждается.

Кошачий аватар показал язычок, а потом выкрикнул:

— Линк аут!

И тут же, оставив позади себя световой вихорек и звук, похожий на звон колокольчика, кошка исчезла.

Наконец-то эта шумная оставила меня в покое. Харуюки коротко выдохнул через нос, прогоняя легкое чувство одиночества — и вдруг.

БАММ! Что-то обрушилось ему на голову, и окружающая картина тут же исчезла. Потом с той стороны темноты пятнышками света вернулся реальный мир.

Ощущая полный вес своего тела, Харуюки заморгал и сфокусировал глаза на том, что перед ним.

Вообще-то это кабинка в мужском туалете. Однако вместо сине-серой двери Харуюки увидел нечто, чему тут быть не полагалось.

— Ты... как?!

Прямо перед ним с гордым видом стоял ученик женского пола. Зеленый цвет банта на блейзере показывал, что его обладательница тоже учится в первом классе.

Она была маленькая, раза в три легче Харуюки. Короткую челку справа удерживала синяя заколка. Непропорционально большие, похожие на кошачьи глаза сердито смотрели на Харуюки.

В левой руке она держала корзиночку, правая, сжатая в кулачок, нависала над головой Харуюки. Лишь тут он наконец понял, почему его внезапно вышвырнуло из Полного погружения. Эта девушка стукнула его кулаком по голове, от удара сработал предохранитель нейролинкера и автоматически прервал погружение.

Обычно уровень безопасности выставляют так, чтобы погружение прерывалось от потряхивания за плечо или громкого крика, но некоторые особо боязливые девушки настраивают его на выход при приближении кого-либо на метр. Харуюки же не заметил вторжения в кабинку, пока его не стукнули по голове, потому что выставил уровень безопасности на минимум — раз он прячется от всех в туалете, больше ему и не требовалось.

— Ах ты!!! — пораженный и рассерженный, Харуюки заорал на единственную девушку в школе, с которой он мог говорить, не ударяясь в панику. — Ты что вообще делаешь! Это же мужской туалет! И дверь была заперта... дура!!!

— Сам дурак, — обиженно ответила девушка.

Эта сильная особа в юбке, которая перелезла через стенку кабинки мужского туалета, — Тиюри Курасима; с ней Харуюки дружил с детства. Отведя правую руку от его головы, она отперла дверь за своей спиной.

Изящным движением Тиюри выпорхнула из кабинки. От солнечных бликов на ее каштановых волосах Харуюки прищурился. Тиюри наконец улыбнулась и добавила:

— Ну выходи уже.

— ...Понял, понял.

подавив вздох, Харуюки встал; сиденье унитаза скрипнуло. Идя за направляющейся к выходу из туалета Тиюри, он спросил ей в спину:

— ...Откуда ты знала, что я здесь?

Ответ последовал не сразу. Тиюри сперва высунула голову в коридор, чтобы убедиться, что там никого нет, потом выскользнула из унитаза и лишь тогда скованно произнесла:

— Я тоже была на крыше. И потом пошла за тобой.

Это значит —

— ...Значит, ты видела, — прошептал Харуюки, сделав шаг из унитаза в коридор и остановившись.

Тиюри как будто пыталась найти правильные слова; она прислонилась к противоположной стене коридора и наконец кивнула.

— ...О тех типах я ничего не буду говорить. Раз Хару решил, что это нормально... У меня нет выбора. Но ты должен пообедать. Иначе это вредно для организма.

Натянуто улыбнувшись, Тиюри протянула корзинку, которую держала в левой руке.

— Я сделала бэнто. Правда, не обещаю, что получилось вкусно.

...Какой позор, подумал Харуюки.

Его сердце пытается отыскать в словах и поступках Тиюри что-то, помимо сочувствия; это само по себе позорно.

Потому что у Тиюри есть парень. Их с Тиюри друг детства и во многих отношениях полная противоположность Харуюки.

Рот Харуюки раскрылся по собственной воле, и из него вырвался странный монотонный голос.

— ...Остатки того, что ты сделала для Таку?

Лицо Тиюри разом помрачнело, она подняла брови. Не в силах смотреть ей в лицо, Харуюки уткнулся взглядом в пол коридора.

— Неправда, Так-кун покупает школьный обед. Вот... сэндвичи с картофельным салатом, ветчиной и сыром. Твои любимые, да?

Харуюки вытянул правую руку и отпихнул придвинутую к нему белую корзиночку.

Однако тормознутое реальное тело не желало слушаться нормально; нечаянное резкое движение выбило корзинку из руки Тиюри. При падении корзинка открылась, из нее выпали два обернутых голубым кухонным пергаментом треугольных сэндвича и развалились.

— Ах...

Харуюки тут же захотелось извиниться, но в груди стало горячо, и слова, которые он должен был произнести, отказались обретать форму. Не в силах поднять головы, он, съеживаясь, отступал; наконец он развернулся, выпалив:

— Не хочу я их!!!

Больше всего ему хотелось разлогиниться отсюда прямо сейчас, но, разумеется, это было невозможно. По крайней мере ему надо было сбежать, однако тело стало невероятно тяжелым, и убежать от тихого голоса, доносящегося сзади, он не мог.

В самом отвратительном настроении он пересидел остальные уроки и классный час, после чего выскочил из кабинета.

Он отмел внутренний голос, который нашептывал, что надо бы найти Тиюри в классе через два кабинета от его (или перед школой, или на пути домой) и извиниться; вместо этого он направился во второе свое убежище — библиотеку.

В принципе, польза от таких мест, как библиотека, давно уже сошла на нет. Однако кто-то из взрослых решил, что в школе детям нужны бумажные книги, по которым можно учиться; были потрачены ресурсы и квадратные метры, и в итоге на полках выстроились новенькие книжки в твердых переплетах.

Главным образом благодаря этому у Харуюки в школе было место для личной жизни, так что ему грех жаловаться. Взяв для отвода глаз две книжки, он отправился в кабинку возле стены, вжался в тесное креслице и тихим голосом, едва воспринятым нейролинкером, скомандовал Полное погружение.

Поскольку уроки закончились лишь несколько минут назад, в школьной сети было тихо. Надо поскорей отправиться в свое виртуальное укрытие; Харуюки быстро пересек поляну и поднялся на дерево.

Конечно, в уголке виртуального сквоша никого не было. Откровенно говоря, Харуюки не

хотелось тупо лупить по мячику — ему хотелось ввязаться в кровавую драку, где он смог бы быстро избавиться от неприятного ощущения в груди; однако без подключения к Глобальной сети, к тому же на территории школы, где такого рода игры были запрещены, это желание было заведомо невыполнимо.

Пустой живот возмущался; однако, несмотря на все это, идти домой прямо сейчас Харуюки не хотел. Если по дороге домой он наткнется на Тиюри... он понятия не имел, как на нее смотреть и какие слова говорить. Нет, простого извинения должно быть достаточно, но он был абсолютно не уверен, что рот его послушается.

...Все как тогда.

В прошлом он когда-то тоже расстроил Тиюри, как сейчас. Вспомнив тот раз, Харуюки зажмурился. Потом протянул руку к панели управления и залогинился.

Нашарив ракетку, сжал ее рукой и развернулся лицом к площадке.

Лишь после этого он открыл глаза и приготовился вмазать по мячу, вбить в него все свое мрачное настроение —

Внезапно он застыл.

В центре площадки ярким трехмерным шрифтом было написано не то число, какое он помнил.

— Уровень... 166?!

Всего несколько часов назад он сам повысил свой уровень, а теперь добавилось еще больше десятка.

Как — счет же сохраняется под личным идентификатором ученика — но тут же он понял. Он же тогда экстренно разлогинился, потому что Тиюри стукнула его по голове, и игра не была завершена. В таком случае кто-то вполне мог продолжить игру и улучшить счет. Но.

Кто, кроме него самого, способен набрать такие невообразимые очки?!

До сих пор остатки гордости Харуюки держались на его мастерстве в VR-играх в Полном погружении. Разумеется, викторины и настолки, где все решают знания, не в счет; но в играх на реакцию вроде стрелялок или гонок, он был уверен, во всей школе ему нет равных.

Он никогда этим не хвастался. В начальной школе ему был преподан чертовски болезненный урок, что бывает, если выделяться из толпы. До сих пор он и не считал, что должен доказывать кому-то свое превосходство, но... кто-то же смог набрать в сквош такие ужасающие очки...

И тут.

За его спиной раздался голос. Женский голос, но он принадлежал не Тиюри. Заметно ниже, чем у нее, и гладкий как шелк.

— Это ты поставил тот абсурдный рекорд?

В страхе Харуюки обернулся и посмотрел на стоящий перед ним аватар.

Темное с серебряными вкраплениями платье. Зонт, опертый об пол, как посох, а может, как меч. Идеально белая кожа, угольно-черные глаза... Черноснежка.

Хоть она и была аватаром, от нее не исходило ощущения искусственности. Девушка ослепительной красоты, самая знаменитая персона в школе, чуть склонила голову и бесшумно шагнула вперед.

Легкая улыбка появилась на алых губах (единственной цветной части ее тела), и Черноснежка продолжила:

— Ты хочешь... «ускориться» еще сильнее, мальчик?

После паузы она добавила:

— Если хочешь, приходи в школьную рекреацию завтра на большой перемене, — и тут же разлогинилась.

Ее аватар был в поле зрения Харуюки меньше десяти секунд. Может, это баг сервера локальной сети? Если это была не иллюзия, то только что произошло нечто, что не повторится и за тысячу лет. Однако же астрономический счет, парящий над площадкой, был реален.

Харуюки потерял всякое желание гнаться за новыми рекордами, так что он вышел из погружения и просто сидел в кабинке, глядя в пространство. В ушах бесконечно крутились три услышанных им фразы. Манера речи Черноснежки была не такая, как у других учениц средней школы; столь ошеломляющей ауры, смешанной с ощущением беспокойства, тоже ни у кого не было. Отчасти поэтому она пользовалась столь невероятной популярностью не только среди парней, но и среди девушек.

В конце концов Харуюки вышел из школы и почти на автопилоте засеменил домой. Если бы нейролинкер в аудиовизуальном режиме не предупреждал его о машинах, два-три раза его бы точно сбили.

Вернувшись в свою пустую квартиру (он жил в высотке в Коэндзи), Харуюки разогрел

замороженную пиццу и умял ее с газировкой. Его родители давно развелись; он жил с матерью, но она должна была вернуться домой только после полуночи; Харуюки вообще виделся с ней лишь по утрам, перед школой, когда она давала ему деньги на обед.

Набив живот фастфудом, Харуюки вернулся к себе в комнату. Обычно он по вечерам гулял по Глобальной сети, потом несколько часиков дрался на европейских игровых серверах, затем остаток сил пускал на домашку и наконец ложился спать; но сегодня ему вообще ничего делать не хотелось.

Слишком много всего произошло за день; голова казалась тяжелой, распухшей. Харуюки переоделся, снял нейролинкер и тяжело бухнулся на кровать.

Хотелось бы ему сказать, что сон его был мирным, но, увы, во сне раз за разом повторялись насмешки Араи и компании, слезы Тиюри и загадочные слова Черноснежки; Харуюки ворочался всю ночь.

«Ты хочешь — «ускориться» еще сильнее?»

Во сне вместо аватара Черноснежки ему являлась настоящая фигура вице-председателя студсовета. Он ее вживую вообще не видел, кроме как на сцене во время вступительной церемонии, где ее лицо было неприступным и бесстрастным; почему же во сне она улыбалась, как дьяволенок, приглашая Харуюки куда-то, и шептала ему на ухо «иди ко мне»?

<http://tl.rulate.ru/book/111603/4216960>